

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(450).071(093.3)+929Куракин

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ КНЯЗЯ Б. И. КУРАКИНА

О.В. Сосновцева

Саратовский государственный университет
E-mail: SosnovcevaOV@mail.ru

Дипломаты в Петровскую эпоху выступают не только как представители интересов России на международной арене, но и как один из главных каналов трансляции национальных культурных ценностей, канал взаимопроникновения, или «диалога культур». Ярким примером подобного опыта является князь Б. И. Куракин. Оказавшись в Риме, он жадно исследует и пытается понять суть политического и экономического устройства общества, особенности социального развития. Поскольку описание Рима – одно из первых впечатлений князя Б.И. Куракина о Западе, на нем лежит отпечаток поверхностности и даже немного наивности. Несмотря на это обстоятельство, свидетельства, оставленные Борисом Ивановичем, позволяют изучать процесс «диалога культур» и римское общество первой половины XVIII века.

Ключевые слова: образ «другого», Италия, диалог культур, Петровские реформы, папский Рим.

Abstract B. I. Kurakin's Impressions of Italy

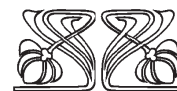
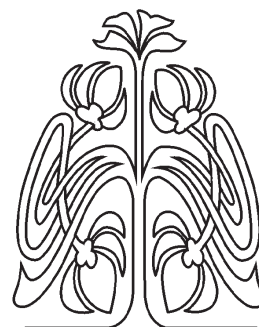
O. V. Sosnovtseva

In the reign of Peter I the Great diplomats were not only representatives of Russian interests in the world but were also media of national cultural values dissemination. A vivid example of such experience is Prince B. I. Kurakin. Being in Rome he tried to understand the essence of political and economic arrangements of the society, peculiarities of social development. As the description of Rome was one of the first B. I. Kurakin's impressions of the West, it was a bit naïve. In spite of this fact, Kurakin's evidence gives us an opportunity to study the process of the «Dialogue of Cultures» and Roman society of the first half of the XVIII century.

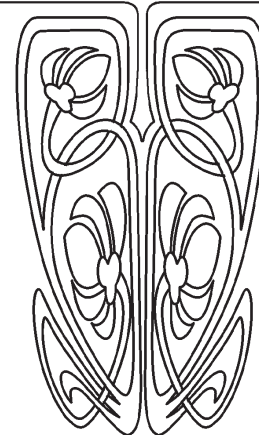
Key words: Image of «the other», Italy, cultural dialogue, reforms of Peter the Great, the Pope's Rome.

Борис Иванович Куракин (1676–1727) – масштабная фигура Петровской эпохи. По мнению М. А. Алпатов, он был «самым замечательным из тех «птенцов гнезда Петрова», которые имели дело с Западной Европой»¹. Для знакомства с его личностью важно отметить, что Куракин оставил после себя обширное литературное наследие, позволяющее ознакомиться с подробностями его жизни, а также в определенной мере составить представление о его взглядах, мыслях, настроениях². Выходец из аристократической семьи, ведущей происхождения от Владимира Святого³, Борис Иванович сумел реализовать себя как военный и дипломат.

Придворная служба началась для Бориса Куракина в семилетнем возрасте. Разница в возрасте между мальчиками – господином и слугой – была около четырех лет. Спальники должны были участвовать в играх малолетнего царя Петра, любившего воинские потехи. Для таких забав требовались крепкое здоровье и умение подлаживаться, подчиняться, причем бодро и весело. Трудно сказать наверняка, но, учитывая многочисленные свидетельства, в которых Куракин описывал свои хвори и недуги, можно представить, что ему было трудно тягаться с другими мальчишками. Опять же из позднейших записей заметно, что нрав у маленького Бориса был независимый, а язык довольно язвительный. Позднее, женившись на Ксении Лопухиной, Борис Куракин формально

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

оказался в ближайшем окружении молодого царя, но фактически этот брак не способствовал установлению близких отношений между свояками. Петр был женат на Авдотье Лопухиной против воли, а женатый на ее младшей сестре Борис Куракин любил свою Ксению.

Однако в большие проекты, начатые Петром с того времени как он получил реальную власть, свояк он включил. Тут сложно определить – по желанию или против воли. В любом случае этот факт стал решающим для судьбы и карьеры молодого придворного. С января 1696 г. по февраль 1698 г. военная служба Бориса Ивановича прервалась для получения образования в Италии. Все спальники, находившиеся при дворе Петра I, были поделены на две группы, и одна направлена в Голландию, другая – в Италию. Борис Иванович оказался в составе итальянской группы, обучающейся «наукам навигационным» (навигации. – *О. С.*). Об этом периоде своего пребывания в Италии Куракин оставил самые общие и чисто формальные сведения. Он лишь перечисляет дисциплины, которые преподавали русским «навигаторам» в Венеции: «...учился наук математических и выучился: арифметике, геометрии теоретической – 5 книг Евклидеса, геометрии практики, тригонометрии, пляны, астрономии часть до навтики, навтики, механики, фортификации офенсивы и дифенсивы (offensivo – наступающий, difensivo – обороняющий) ... И также некоторую часть в разговоре, и читать и писать италинского языка научась, доволен»⁴.

21 августа 1698 г. Борис Иванович получил аттестат от капитана Марка Мартыновича, который обучал его мореходному делу, «то есть компасу, направлению ветров и навигационной карте». Куракин для закрепления полученных теоретических знаний на практике совершил под наблюдением черногорца Марка Мартыновича два морских путешествия. Учитель нашел «его способным применять свои знания и для высших должностей»⁵.

27 августа 1698 г. Франциск Дамиани граф Ди-Вергада выдал Куракину другой аттестат, свидетельствующий об успешном усвоении им «практической арифметики, сочинений Евклида, тригонометрии, прямолинейной и практической геометрии, планетрии, стереометрии, фортификации, устройства и применения компаса». Дамиани ручался «с полной достоверностью, что у меня не было ученика более прилежного и более способного к изучению схоластики, как вышепоименованный кавалер и господин»⁶.

Вернувшись из Италии, он «свидетельствовал свои науки» перед царем в Воронеже вместе с другими заграничными учениками и сразу же продолжил военную службу. В это время произошли изменения в личной жизни Куракина. В феврале 1698 г. Борис Иванович лишился своей первой жены, которая умерла в возрасте 20 лет от цинги. «И по приезде моем к Москве, на третьей

день, жены моей княгини Ксении Федоровны не стало»⁷.

Примечательно, что в период с 1700 по 1707 г. Куракин совмещал военную службу (дослужившись до подполковника) с поездками за границу с разными поручениями от русского государя. Так, во время поездки на лечение в Карлсбад он должен был прозондировать возможность сближения между Москвой и Веней, а кроме того, «для примечания чужеземных нравов и поведений».

Первым важным поручением для Б. И. Куракина стала миссия при дворе папы римского Климента XI. Задача, поставленная перед Куракиным, не касалась напрямую отношений между Россией и папским Римом. Необходимо было определить позицию папы в отношении Речи Посполитой. К «папезному двору» Куракин ехал «без всякого характера»⁸, «инкогнито». По «инструкции, данной Куракину в Жолкве для миссии в Рим»⁹ от 18 января 1707 г., он должен был вручить папе грамоту от Петра, в которой содержалась просьба не признавать Станислава Лещинского, шведского ставленника, польским королем. Со своей стороны, русский царь обещал свободно пропускать через Россию римских миссионеров в Китай и Персию и разрешал «вольное отправление веры римской ... на столице».

С момента перемещения в ходе Северной войны военных действий на территорию Польши для России стало крайне важным подтвердить действие русско-польского договора 1704 г.¹⁰ Получалось так, что договор терял силу с признанием Лещинского польским королем, а Россия теряла преимущества в ведении военных действий на территории Польши. Поэтому миссия Куракина была очень важна.

В ответ на предложения русского двора папа расточал комплименты в адрес России за обещанную терпимость к католикам, но отказался признать за Петром титул «Величества», считая его рангом ниже императора. Одновременно Климент XI поддерживал переписку со шведами¹¹. Для святого отца шведы, конечно, были протестантами-еретиками, но коль скоро их поддерживал христианнейший король Франции, с ними стоило считаться. Кроме того, Швеция противостояла австрийским Габсбургам. В то же время православная Россия была неизвестной величиной, ничем непосредственно не грозящей.

В силу совокупности разных причин, объективных и субъективных, от папы Куракину не удалось добиться гарантий. Неплохо было уже то, что папа воздержался от признания Лещинского, предпочитая дожидаться, когда тот будет признан всей Речью Посполитой. Кстати, стоит отметить, что ту же уклончивую позицию папа проявил и в отношении предложения Франции официально признать Станислава Лещинского польским королем. Так что результат, полученный Куракиным, можно оценить как максимально возможный при сложившейся политической конъюнктуре.

Первая дипломатическая миссия оставила у Бориса Ивановича массу впечатлений самого разного рода. Часть из них могла быть полезной в дипломатических делах, часть – отражает восприятие человека, наблюдающего нравы и порядки чужого народа и чужой веры (это очень заметный штрих!), некоторые – знакомят нас со вкусами и взглядами наблюдателя «другого» мира.

Сначала стоит остановиться на «полезных» наблюдениях. Борис Иванович достаточно быстро вник в тонкости дипломатического этикета, ибо «между посольских дел паче всего церемония, для чего, чем может великой урон чести государственной учинить»¹². Куракин записал заметки «о приеме кардиналов и как они принимают», «о визитах принцам и другим кавалерам и о приемности их», где указывал на важность правильного доклада о своем приезде и количестве докладчиков. О расположенности по отношению к послу уже можно судить по таким фактам: где встречает гостя римский вельможа, в какую комнату провожает, а также в какую одежду одет. Например, Борис Иванович уяснил, что при визите к кардиналу, который, согласно обычаю, «у всяких дверей останавливается и почитает, чтоб наперед (пропускает вперед себя. – О. С.) идти»¹³, следует идти всегда после кардинала. «А наперед его отнюдь ходить никому не надобно, что есть в том им афронт ...». По тому, как в приемном покое кардинала стоят кресла, можно судить о расположенности вельможи к визитеру. Если кресло кардинала слишком далеко отставлено от кресла визитера, то «гораздо значит низко ведет». Если кресло визитера стоит слева и вровень с креслом кардинала, «то значит что тому великую честь отдает»¹⁴.

При визите к принцам, маркизам, баронам «и другим кавалерам» «надобно всегда приезжому наперед идти». Если «кавалер» одет «с шпагой и шляпой», то принимает с почтением. Если без шляпы и шпаги, «то принимает уничтоживая, не хотя отдать чести». Если на голове парик, «то принимает нечестно»¹⁵. Куракин старался проникнуть в тонкости церемоний при папском дворе и особенности «обхождений всех между кардиналов и равных других персон и их дворах»¹⁶.

Начинающий дипломат старался уловить особенности политической обстановки, экономического уклада и духовной жизни папского Рима. Куракин пытался понять умонастроение римского общества и пришел к мнению, что «народ римский ... весьма не контент (недовольный. – О. С.) быть под папою и всегда желает и проискивает быть под цезарем, или под кем иным, а чтоб не под церковными. То секрет не только в народе простом ... но и в самых великих персонах, токмо некоторые фамилии большие до того не склонны, малые самые»¹⁷. Борис Иванович подметил напряженность внутривосточной обстановки в Риме.

Общество находилось в стадии гражданского раскола. Отсутствовало единоначалие в управлении этим государством. Во время пребывания в

Риме власти «боялись ребелии от самых жителей римских, для чего здешний народ вельми желает, чтоб под владением цесарским быть»¹⁸. Между тем, по наблюдениям Бориса Ивановича, «папа показал цесарю неприятелем, а склонностью ко Франции»¹⁹. Многие римские князья, а также вельможи среднего и низшего ранга «для своей благодати» «живут под протекциею других потентатов, как цесаря, короля французского и гишпанского и других ...». Те вельможи, которые поступили под протекцию монархов других государств, на своих воротах размещают герб своего суверена. Они не подвластны римскому суду. «И когда ежели тому амбашадуру бывает какая противность от двора римского, тогда все те принцы и знатное шляхетство повинны к нему съехавшись, во всем способствовать ...»²⁰. Три прослойки, – приверженцы Франции, Испании и Империи – прослеживаются и среди кардиналов в ближайшем окружении папы. «Кардинал Оттобоней, стороны короля французского, кардинал Юдичи, также и другие многие, которым от короля французского есть плата в год – кардиналу Оттобонею – 6000 шкудов, также и другим; а стороны гишпанского – кардинал Импириали, кардинал Каскони, кардинал Аквавива, также и другие многие; от стороны цесарской кардиналов есть, только гораздо мало ...»²¹.

Любопытны заметки Куракина, касающиеся особенностей экономической жизни папского Рима. Важным с политической точки зрения, по мнению Б. И. Куракина, стало создание папой Климентом XI банка, служившего средством привлечения капиталов знати в экономику государства. Банк гарантировал безопасность денежных сбережений «наипервых персон». Кроме того, он предоставлял «другим недостаточным (персонам. – О. С.) в заем в некоторые времена с залогом». Но главный расчет Климента XI состоял в стремлении привить знати верноподданнические настроения и решить политический момент – состояние гражданского раскола общества – за счет экономической политики. «Есть того папы была политика и учинено, то усмотрел ту нацию римскую, что не есть охотны быть под владением папешским, а паче желают под цезарем или под французом. И для того все те их богатства увязил в тот палац (банк. – О. С.), понеже состоять верною обязаны, зная, ежели неприятель придет и возьмет, то все богатство пропадет»²².

Некоторые наблюдения Куракин сделал и относительно положения ремесленников в Риме. Он подмечает, что все булочники обязаны покупать каждый месяц строго определенное количество пшеницы «из житниц папешских». Предписанное количество пшеницы было так велико, что покупать более дешевую пшеницу у князей было невыгодно, поскольку «лишний хлеб залежится, что за множеством продать не может, из того сугубой убыток получит». Помимо закупки пшеницы «из житниц папешских», на булочников распростра-

нялось еще одно правило – «всякой форнарь (булочник. – *О. С.*) или калашник имеет свою лавку в расстоянии от другой в размер, и в округлость его всем жителям повинно брать у того форнаря; а ежели у другого возмет, пеня положена»²³. Весь хлеб в Риме должен быть одинаковым по весу, цене и размеру. Это правило не позволяло производить князьям пшеницу на продажу и ставило ремесленников в жесткую зависимость от житниц папского двора. Таким способом папа обеспечивал себе монополию и ставил экономическую жизнь Рима под свой контроль, что вполне соответствовало духу времени и веяниям повсеместных тенденций абсолютной монархии.

Куракин тщательно фиксировал свои впечатления о порядках при папском дворе, о буднях и праздниках горожан. Его отношение к католической церкви, обрядности весьма неодобрительно. Официально он убеждает папу в лояльности к католикам в России, для себя же делает массу зарисовок, касающихся религиозных нравов Рима, причем эта часть описания носит критический, обличительный до карикатурности характер.

Сколько обличительного пафоса чувствуется в том, как излагает Куракин скандальный случай двадцатилетней давности, записанный им с чьих-то слов. «В Риме был *прете* (священник. – *О. С.*) которой назывался Муленес ... в церкви приватной, во время папы Иноценция одиннадцатого. Тот вышешепоманутый Муленес поп светской, был человек ученый, истиму (уважение. – *О. С.*) великую имел от всех наиперших персон в Риме и являлся за святого. И у прихода своего в церкви казал казанья (проповедь. – *О. С.*) часто, а все в вечеру: на которое казанье съезживались многие кардиналы, преляты, принцы, принцессы и многие другие знатные персоны. И начал поучать в своих казаньях, что блуд не грех ... в той же церкви тот блудной грех делали. Таким способом, когда кажет казанье, и при конце того казанья все свечи погасят. И когда свечи погасят тогда он скажет из евангелия: “плодитесь, родитесь и умножитесь землю и рожайте ею”. И потом все в потемках, кто которую возьмет, тот тое и делает, поваля в той же церкви; также и тот с кафедры сходил и благославлял, которая ему полюбится. И потом отделавшись, вздуют огонь и засветят свечи, и подаст им благословление, и распускает их»²⁴. Далее Куракин сообщает, что этот разврат был раскрыт «простым мужиком», который зашел помолиться в ту церковь «и принужден был сообщая с другими учинить», а затем донес Иннокентию XI. Священник был посажен в земляную тюрьму, где и умер.

Куракин скептически отнесся к чудесам, в частности к возможности исцеления при помощи молитв. Это подтверждается описанием римского монастыря «законников атеинов», основателем которого был некий сан (святой. – *О. С.*) Гайтоно. В тот монастырь, указывает Борис Иванович, по средам приводят беснующихся или «одержимых дьявольскою болезнью» для исцеления. Нечистых

духов изгоняют при помощи молитв. При этом «атеины» утверждают, что кроме них подобные болезни никто не может врачевать. Для Куракина такая практика – не что иное как «коварственный обман», привлекающий большие массы людей, желающих посмотреть на подобное «прокураторство» (хитрость. – *О. С.*).

Далее Куракин высказал собственное отношение к этому «коварственному обману»: «... токмо под рассуждением умных людей есть добрая политика для простаковства, в содержании твердому в религии и в страхе». Из этого заявления можно сделать вывод, что он, подобно своему государю, воспринимал религию как надежный способ добиться от подданных повиновения. Религия есть «добрая политика», способная держать массы в узде и обеспечивать порядок в государстве. В этом идейно-религиозном прагматизме отчетливо проступают контуры просветительского взгляда на мир, основные положения которого уже сформулированы И. Ньютоном.

Любопытно описание Куракиным другой римской церкви, «*esu Maria*», в которой «простой поп *fra Pablo* и товарищ его *fra Vegrino* закону францискане чинили себя святыми и обманывали народ, а паче всего женский полк (так в тексте. – *О. С.*). Когда приходили молиться в ту церковь, тогда брали их за алтари и чинили блуд с теми женщинами... И положили их те двое религиозы на них ложились рука в руку и нога на ногу... И то чиня им рассуждали, не за грех, за святость». Данный отрывок демонстрирует критическое отношение к нерадивым церковнослужителям, а главное, критика здесь направлена на служителей католической церкви.

В целом Куракин оценил прием папского двора положительно. Борис Иванович упоминает, что на время его частных визитов, желая показать ему свои благорасположенность и уважение, кардиналы Оттобоней (вице-канцлер) и Павлюций (министр) специально облачались в красное одеяние²⁵. Как и всем прочим послам, на аудиенции у папы пришлось князю Куракину целовать ему ногу. Прямо Борис Иванович об этом не пишет. Но косвенное свидетельство заставляет предположить, что это событие покорило аристократическую честь потомка Рюриковичей. Куракин описывает один случай, произошедший во время его пребывания в Риме. «*Principe de Saxonia*», приехавший в Рим, не хотел идти на аудиенцию к папе из-за того, что официальная церемония требовала целовать ногу понтифика. Кардинал Сакрипантий под предлогом приглашения для осмотра папского дворца в Монте-Кавалло привел «*Principe de Saxonia*» в комнату, где неожиданно оказался папа. «И тот министр объявил: – то его святость изволь идти на аудиенцию и поцеловать ногу. И тот принц, не хотя было того учинить, и хотел идти вон. Однакож, многими противными разговорами принужден был кленчить (стоять на коленях. – *О. С.*) и целовать ногу как со входу, так

и с приходом... И таким обманом и политикою при том дворе учинено».

Куракин высказывает негодование по поводу этого случая и полагает, что «так всех обманывают; и то себе ставят за находку, чтоб кто иностранный и не их релижеи ногу поцеловал, и то себе ставят за великую находку, и записывают в истории»²⁶. Несмотря на то что «на авдиенции целовал у папы ногу», ему показалось, что «никогда никто в московской нации в приемности такого гонору и порядком не был принят, где во всех церемониях так установил, как к чести Царского Величества, так и к своей персоне, как и других протчих министров европейских и князей от санкви (крови. – О. С.) принимают»²⁷. Перед отъездом Климент XI продемонстрировал, по словам Куракина, «экстраординальную честь». Он прислал к нему с визитом своего родного брата дона Орацо Албани²⁸. Когда Куракин уезжал из Рима, папа «послал крест с мощами до государя царевича»²⁹.

Римский кардинал Павлюций в письме к Петру I от 23 октября 1707 г. так охарактеризовал Куракина: «...его честные качества и его любезнейшие поступки учинили заслуженна почтения и склонности нашего господина и всего сего (папского. – О. С.) двора»³⁰. Основным итогом первой дипломатической миссии лично для Куракина стали знакомство с хитросплетениями большой политики, получение первичного опыта дипломатической деятельности, прежде всего в части дипломатического протокола.

Памятники культуры привлекают его внимание, если они связаны с историческими личностями или событиями. Довольно долго пробыв в Риме, из культурных достопримечательностей он упомянул «дом великого и славного философа Чичерона (Цицерона) и Колизей». Видимо, Колизей его впечатлил – «которая великая машина была сделана от Нерона мучителя, фигурую овальною, вверх будет сажень в пятнадцать, в которых имел разных зверей, и для мучительства травил христиан теми зверями в том дому. Диаметр длины того дому будет сажень 150, а порепек в препорцию; и по се число уже большая часть того дома обвалилася»³¹. Колизей интересен для Куракина тем, что там Нерон «травил христиан теми зверями». Впечатления от памятника сводятся к указанию длины и ширины здания. Наверное, он оценивал его так же, как и Петр I, с позиции технократа³².

Нельзя сказать, что Куракин не замечал шедевров искусства вообще, ибо его путевые заметки пестрят лаконичными упоминаниями о музыке и архитектуре посещаемых им мест, но он уделял мало внимания описанию памятников искусства. Его интересовало то, что может быть полезно. А возможно, дело в том, что старый и по сути своей церковнославянский допетровский язык мог экстраполироваться далеко не на все сферы общественной жизни. Поэтому в рамках культурной политики Петра Великого проводится реформа для создания языка новой светской образованности³³.

У Куракина многие иностранные слова, прежде всего касающиеся сферы административной и морской лексики, а также названия профессий, государственных, религиозных и общественных заведений, средств передвижения, оставались в неизменном виде, поскольку он не мог найти для них русского эквивалента, ведь аналогов в России им просто не было. Это выражения-«экзотизмы», отражающие явления жизни, культуры и быта других стран и передающие местный колорит. И наоборот, некоторые западноевропейские процессы и явления Борис Иванович обозначал русскими, понятными для него «словами-варваризмами». Характерной особенностью авторского стиля Куракина является тождественность письменной и устной речи. Он как говорит, так и пишет³⁴.

Скорее всего, «сухая» манера описания произведений искусства обусловлена у Куракина и технократической тенденцией, и недостатком выражений в словарном запасе русских того периода при отражении культурных европейских процессов, несвойственных для нашей страны. Но не у всех петровских аристократов не находится нужных слов для памятников культуры. Например, Куракин описывает мемориальную скульптуру следующим образом: «...при площади той, сделан мужик вылитой, медной с книгою, на знак тому, который был человек, гораздо ученый и часто людей учил, и тому на знак то сделано»³⁵. Другой дипломат Петровской эпохи, Андрей Артамонович Матвеев, оценивает памятники искусства другими категориями. В путевых заметках о Франции он поэтично и красочно повествует о достопримечательностях чужой страны. «В середине поставлено подобие изваянное короля Людовика Великого XIV, ныне государствующего, на лошади из меди, с несколькою частию серебра смешанное, в великую меру, в латах, самого вида сходного ему от художников хвальных французских ... на великом мраморном подножии»³⁶. Сведения о внешнем виде памятника Андрей Артамонович стремится дополнить рассказами об исторических событиях, людях, связанных с ним.

В период своего второго пребывания в Италии Куракин пережил романтическое приключение. В Венеции в январе 1708 г. Борис Иванович жил «в великих роскошах и веселье», находясь в обществе старого друга Франциска Мозорини³⁷. Там он был очарован некоей Франкешей Рота, «славной хорошеством». Борис Иванович сильно «был инаморат» (влюблен. – О. С.). Он записал: «И так был инаморато, что не мог ни часу без нея быть, которая коштвала (стоила. – О. С.) мне в те два месяца 1000 червонных». Дело чуть не дошло до «дуэллию» с венецианским аристократом маркизом Паливиччино. С Франкешей Рота Куракин, по его признанию, «расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот аитор не может выдтии, чаю, не выдет»³⁸ (написано это было два года спустя – срок немалый для проверки чувств). Ко времени встречи с Франкешей Кура-

кин был давно женат вторым браком на Марии Урусовой. Сложные отношения с женой, можно предполагать, подтолкнули его к некой раскрепощенности поведения и, возможно, в какой-то мере способствовали тому, что Куракин все меньше стремился домой и весьма охотно выполнял все новые заграничные поручения царя. Во всяком случае с 1711 г. Куракин не приезжал в Россию. С назначения послом в Голландию и до смерти он проживал в Европе, преимущественно в Гааге, Лондоне и Париже³⁹.

Итальянские зарисовки Куракина создают весьма красочную картину, позволяющую составить представление о том, каким видел западный мир русский путешественник начала XVIII в., имеющий деловой, но не только, интерес в отношении увиденного. Причем из разнообразных сведений о приемах, правилах этикета, элементах хозяйственной жизни и бытовой культуры вырисовывается картина того, что нужно знать об этом чужом мире, чтобы к нему приспособиться. В перспективе это вылилось в то, что Куракин оказался весьма полезен России в решении различных проблем международного характера. Он представлял интересы страны в Италии, Ганновере, Нидерландах, Англии, Франции, на генеральных съездах европейских держав. Он по поручению монарха изучал расстановку сил в Европе, ведал вопросами обучения русских подданных за границей, наймом иностранцев для службы в России, покупкой военных кораблей и многим другим⁴⁰. В последние годы жизни Б. И. Куракин, по сути, выполнял за границей функции заместителя канцлера.

Примечания

- ¹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа : XVII – первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 212.
- ² См.: История о царе Петре и ближних к нему людях // Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. I. С. 43 ; Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная // Там же ; Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. 1705–1710 гг. // Там же ; Ведание о папезской ауторите над всеми патентатами религии католицкой // Там же. С. 117–119 ; Главныя задачи московскаго государства. 1707 г. // Там же. Т. III. С. 175–176 ; Заметки кн. Б. И. Куракина в Вене и Гамбурге // Там же. С. 253 ; Записка кн. Б. И. Куракина о его болезнях и лечении в 1676–1718 гг. // Там же. С. 229–237 ; Князя Куракина записка 30 мая 1711 г. о воспитании Александра Куракина // Там же. Т. II. С. 356 ; О политике государств и прочие заметки. Бреславль. 1706 г. // Там же. Т. III. С. 168 ; О посацких торговых людях и о ремесленных // Там же. С. 237–238 ; О торговых статьях. Карлсбад. 4 октября. 1705 г. // Там же. С. 154–159 и др.
- ³ Родословная была помещена в архив князей Куракиных села Надеждино Сердобского уезда Саратовской губернии. Встречаются сведения о том, что Куракины – потомки Гедеминовичей. В дореволюционной исто-

- риографии исследователи спорили по вопросу, есть ли связь между Рюриковичами и Гедеминовичами. См.: Родословная кн. Куракиных // Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. I. С. 351 ; Кн. Н. Н. Голицын. Род кн. Голицыных. Т. 1. СПб., 1892.
- ⁴ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 255. Стоит отметить, что впоследствии он приобрел обыкновение свои сокровенные мысли записывать на итальянском языке См.: Карпов Г. М. Борис Иванович Куракин // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 26.
 - ⁵ Аттестат, выданный капитаном Марком Мартыновичем кн. Б. И. Куракину в знании им мореходного дела // Архив кн. Ф. А. Куракина. Саратов, 1893. Т. IV. С. 77.
 - ⁶ Аттестат, данный Франциском Дамиани гр. Ди-Вергада кн. Б. И. Куракину // Архив. кн. Ф. А. Куракина. Т. IV. С. 78–79.
 - ⁷ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 255.
 - ⁸ Там же. С. 276.
 - ⁹ Инструкция из канцелярии его царского величества урожденному господину князю Борису Ивановичу Куракину, данная в Жолкве 18 января 1707 году, по которой ему надлежит чинить, будучи в Риме при папезском дворе // Архив. кн. Ф. А. Куракина Т. II. С. 8.
 - ¹⁰ См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 210.
 - ¹¹ См.: Алпатов М. А. Указ соч. С. 213–214.
 - ¹² Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. С. 199.
 - ¹³ Там же. С. 181.
 - ¹⁴ Там же. С. 184.
 - ¹⁵ Там же. С. 185.
 - ¹⁶ Там же. С. 178–182.
 - ¹⁷ Там же. С. 196.
 - ¹⁸ Римскаго двора ныне какое состояние // Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. III. С. 182.
 - ¹⁹ Там же. С. 183.
 - ²⁰ Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. С. 189.
 - ²¹ Там же. С. 190.
 - ²² Там же. С. 220–221.
 - ²³ Там же. С. 208–209.
 - ²⁴ Там же. С. 205.
 - ²⁵ Там же. С. 188.
 - ²⁶ Там же. С. 212.
 - ²⁷ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 276.
 - ²⁸ Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. С. 184.
 - ²⁹ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 277.
 - ³⁰ Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. II. С. 16.
 - ³¹ Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина С. 192–193.
 - ³² Анисимов Е. В. Время петровских реформ. М., 1989. С. 44.
 - ³³ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 123–125.
 - ³⁴ См.: Ясинская М. Б. Адаптация западноевропейских заимствований в сочинениях князя Б. И. Куракина // Человек между царством и империей : сб. материалов междунар. конф. / под ред. М. С. Киселевой. М., 2003. С. 233–239.

- ³⁵ Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. С. 140.
³⁶ Русский дипломат во Франции. Л., 1972. С. 50.
³⁷ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 278.

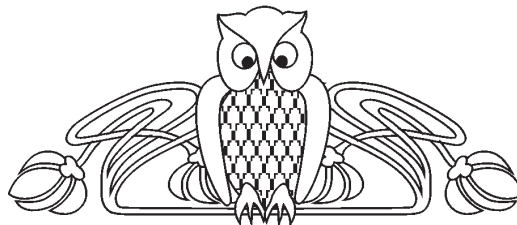
- ³⁸ Там же.
³⁹ См.: Плеханова М. Б. Куракин // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 168.
⁴⁰ См.: Письма Петра I к Б.И. Куракину // Архив кн. Ф. А. Куракина Т. I. С. 1–32.

УДК 94 (47).66+929 Екатерина II

ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II В 1762–1771 ГОДЫ

Л. К. Старкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматриваются первые инициативы русской императрицы Екатерины Великой в отношении цензуры. Статья рассказывает о стремлении власти контролировать книгопечатание, торговлю иностранными книгами во второй половине XVIII века. Большой интерес представляет анализ отношения общественно-го мнения к цензурным реформам Екатерины II.

Ключевые слова: Екатерина II, XVIII век, печать, цензура, Просвещение, книги, Академия наук, общественное мнение.

Censorship Policy of Catherine the Great in 1762–1771

L. K. Starkova

The article considers the first initiatives of the Russian Empress Catherine the Great in question of Censorship. The article gives an account of the state controlling of book printing, book delivery and book banning in the second half of 18th century. The great interest is the analysis of the public opinion in question of Catherine's censorship reforms.

Key words: Catherine the Great, XVIII century, book printing, censorship, Age of the Enlightenment, books, Academy of Sciences, public opinion.

Есть некоторая удобность в правлении:
лучше, чтоб Государь ободрял,
а законы бы угрожали.
*Екатерина II*¹

«Идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совсем другой цвет», – заметил Д. Дидро в разговоре с княгиней Дашковой². К середине XVIII в. среди столичного и провинциального дворянства России широко распространились просветительские идеи о главенстве разума, гармонии человеческой личности, праве человека на выражение своих мыслей³. Среди идей Просвещения особая роль отводилась формированию общественного мнения устным и печатным словом⁴.

Постепенно у многих российских дворян появились собственные библиотеки. Книги выписывали из-за границы и приобретали в книжных магазинах⁵. Великолепные библиотеки имели члены императорской семьи: Елизавета Петровна, Петр Федорович, Екатерина II. В воспоминаниях М. А. Дмитриева есть описания роскошных

библиотек И. И. Дмитриева и П. П. Бекетова⁶. П. А. Вяземский вспоминал о библиотечных собраниях и литературных интересах своего отца и его друзей⁷. Известны огромная библиотека графов Бутурлиных и многие другие. Например, княгиня Дашкова в 15–16 лет располагала библиотекой в 900 томов⁸. Книжное собрание барона И. А. фон Корфа, президента Петербургской академии наук, насчитывало 36 тысяч томов. В 1764 г. его книжное собрание приобрела Екатерина II⁹. Позже к собранию книг императрицы присоединились библиотеки Дидро, Вольтера, д'Аламбера, Галиани, Бюшинга, Ф. Николаи, доктора Циммермана, книги и бумаги кн. Щербатова и Болтина, библиотека Миллера и коллекции Палласа¹⁰.

Вельможи и государственные деятели вступили в переписку с иностранными писателями. В «Записках» Дашковой говорится, что И. И. Шувалов выписывал для нее заграничные издания, т. к. в книжных лавках Москвы не нашлось новых книг для ее библиотеки¹¹. Столичное дворянство начало интересоваться отечественной и зарубежной литературой. Мемуарист свидетельствует, как велика была любовь к чтению в высшем обществе. «Не имея достаточного количества книг отечественных авторов, образованные и мучимые голодом читатели поневоле должны были кидаться на французские книги»¹². Императрица поощряла переводы Вольтера, Монтескье, Дидро, Мерсье, Гельвеция, Руссо, Мабли, Юма и др.¹³ В России издали переводы рассуждения Руссо «О неравенстве между людьми» (1770), проекта аббата Сен-Пьера «О всеобщем и вечном мире» (1771), Гоббса «О гражданине» (1776).

Вместе с тем власти настороженно относились к распространению знаний о политике, законах общественной жизни, стремились исключить рассуждения в обществе и печати о деспотизме, свободе, истине и справедливости. В связи с этим следует обратить внимание на некоторую двойственность поведения правительственных кругов, которые предпочитали, по образному выражению В. О. Ключевского, «заимствовать с Запада свет знания, но без огня, которым можно обжечься, или